

482785

Кульбакии С. М.

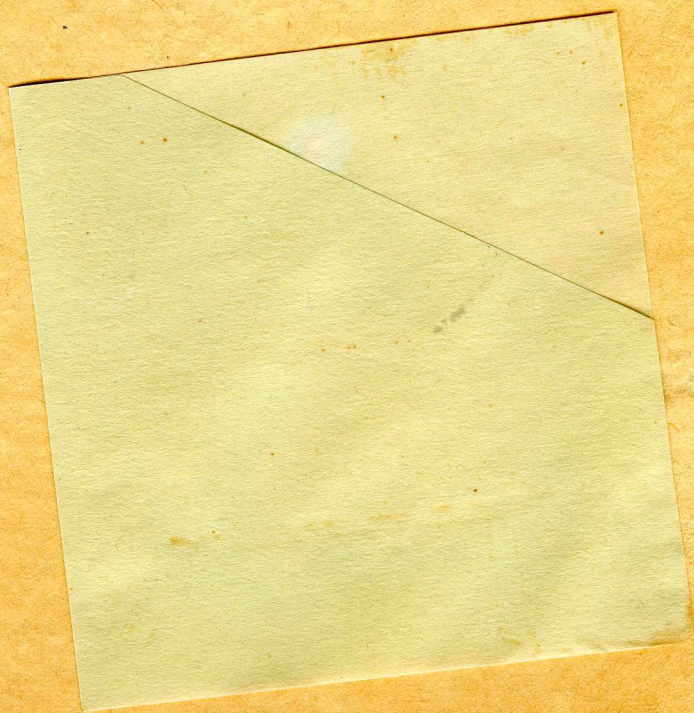
482785

Украинский язык

1919

V.N. KARAZHE KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

ЦНБ ХНУ
Дата повернення:

14 МАЙ 2001

14 ОКТЯБРЬ

А

785.

Проф. С. М. Кульбакинъ.

УКРАИНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ФОНЕТИКИ И МОРФОЛОГИИ. ==

Цѣна 7 р. 50 к.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“, Конторская ул., 21/23.
1919.

Годовщина
ЛНБ

582785

26/11

Проф. С. М. Кульбакинъ.

УКРАИНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ФОНЕТИКИ И МОРФОЛОГІИ. ==

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Печатное Дѣло“, Конторская ул., 21/23.
1919.

Центральная Научная Библиотека
при Харьковскомъ Государственномъ Университетѣ

Письмо к М. Кузнецкому

АКАДМИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

МОСКВА 1910

Харьков

Генерал-майор, Киевский полковник, Харьковская губерния

1910

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задуманный мною еще въ 1911 году планъ выпустить рядъ научныхъ грамматикъ словянскихъ языковъ, которыя бы могли служить пособіемъ въ университетскомъ преподаваніи, силою внѣшнихъ обстоятельствъ задерживается осуществленіемъ и видоизмѣняется въ смыслѣ порядка выпусковъ. Послѣ выхода пособій по древне-церковно-словянскому и сербскому языкамъ на очереди стояла польская грамматика. Но событія послѣднихъ лѣтъ, отразившіяся въ университетскомъ преподаваніи учрежденіемъ каеодръ украиновѣдѣнія, выдвинули на первую очередь въ моемъ планѣ тему, которая первоначально стояла отъ меня дальше всѣхъ другихъ.

Какъ ни смотрѣть на вопросъ объ украинскомъ языкѣ съ политической стороны, но интересъ къ этому языку, несомнѣнно, возросъ необычайно; языкъ этотъ сталъ предметомъ спеціальнаго преподаванія въ высшей и средней школѣ и въ то же время предметомъ вниманія со стороны извѣстныхъ круговъ образованнаго общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что намѣченная самой жизнью тема едва ли не наименѣе разработанная въ кругу другихъ подобныхъ темъ науки словянскаго языкознанія.

Наши лучшіе научные труды по исторіи русскаго языка не выдѣляютъ вопросовъ украинскаго языка въ особый предметъ.

Объемистый трудъ Шахматова можно разсматривать, какъ исторію русскаго языка, или же какъ сравнительную грамматику трехъ русскихъ языковъ; но если понадобится указать хотя бы краткое пособіе къ университетскому курсу, посвященному спеціально украинскому языку,—мы окажемся въ затрудненіи. Мы вынуждены будемъ выбирать между почтеннымъ, но неоконченнымъ трудомъ Крымскаго, въ высшей степени неудобнымъ со стороны плана, порядка и характера изложенія (на русскомъ языкѣ), и грамматикой на нѣмецкомъ языкѣ Смаль-Стопкаго и Гартнера, трудомъ также почтеннымъ, но имѣющимъ въ своей основѣ совершенно невѣрную точку зрѣнія на украинскія языковыя явленія и такъ ихъ освѣщающимъ, что трудно рѣшить, отражается ли въ этомъ освѣщеніи незнаніе общеизвѣстныхъ фактовъ, или же тенденціозное ихъ игнорированіе.

Между тѣмъ отсутствіе подходящаго пособія къ университетскому преподаванію отражается не только на немъ самомъ, но и на качествахъ преподаванія предмета въ средней школѣ и на учебникахъ, которые составляютъ для этой послѣдней.

IV

При такихъ обстоятельствахъ я рѣшился обработать и издать свой краткій курсъ, читанный въ маѣ этого года на подготовительныхъ курсахъ для инструкторовъ по преподаванію украинскаго языка.

Въ этомъ курсѣ я употребляю офиціальный терминъ „украинскій языкъ“, считая терминологию второстепеннымъ дѣломъ и стремясь лишь къ тому, чтобы существо дѣла было представлено въ правильномъ съ научной точки зрѣнія свѣтѣ.

Вопросъ терминологіи, обычно, связываютъ съ вопросомъ политическимъ; термину *украинскій языкъ* противопоставляютъ терминъ *малорусское нарѣчіе*.

Съ первымъ связываютъ нерѣдко признаніе извѣстныхъ правъ украинскаго языка и народа, которыя отрицаются обыкновенно тѣми, кто предпочитаетъ второе выраженіе—*малорусское нарѣчіе*.

Спору о томъ, представляетъ ли украинскій или малорусскій—*языкъ* или *нарѣчіе*, придаютъ политическій характеръ; въ терминѣ *нарѣчіе* видятъ иногда основаніе для отрицанія правъ народа на самостоятельное культурное развитіе или на самостоятельную государственную жизнь.

Съ другой стороны, съ терминомъ *языкъ* иногда связаны не только извѣстные политическіе тезисы, но и неправильныя научныя представленія объ отношеніи украинскаго къ великорусскому и бѣлорусскому, о положеніи его въ семьѣ словянскихъ языковъ.

Между тѣмъ для всякаго ученаго языковѣда ясна условность терминовъ *языкъ* и *нарѣчіе* и невозможность связывать съ научными вопросами вопросы политическіе.

Не отрицая правъ украинскаго языка на самостоятельное культурно-историческое значеніе, на роль органа національной литературы и науки, предоставимъ жизни, общимъ историческимъ условіямъ рѣшить политическій вопросъ.

Но въ научномъ освѣщеніи фактовъ украинскаго языка единственно правильной точкой зрѣнія является признаніе болѣе тѣсной связи украинскаго языка съ великорусскимъ и бѣлорусскимъ языками, чѣмъ съ иными словянскими, иначе говоря признаніе научной гипотезы прарусскаго языкового единства,—эпохи общей жизни украинскаго, великорусскаго и бѣлорусскаго языковъ. Эта точка зрѣнія и лежитъ въ основѣ настоящей работы.

Въ заключеніе замѣчу, что книжка была готова еще лѣтомъ, но типографская забастовка задержала ея выходъ на 3 мѣсяца.

13 декабря
1918 г.

І. ВВЕДЕНІЕ.

1. Украинскій языкъ и его территория.

§ 1. Украинскимъ языкомъ говоритъ словянскій народъ, занимающій по численности второе мѣсто въ словянской семьѣ народовъ: первое занимаютъ великоруссы.

Трудно въ настоящее время съ точностью установить цифру украинцевъ, но приблизительно ее вычисляютъ въ 35 милліоновъ.

Нидерле въ своей извѣстной книгѣ „Обозрѣніе современнаго славянства“ 28 с.—въ 1909 г. съ большою осторожностью заключилъ свои соображенія по этому вопросу словами: „быть можетъ, они дѣйствительно достигаютъ до 30 милліоновъ“. Грушевскій въ 1906 г. насчиталъ украинцевъ до 34 милліоновъ; Нечуй-Левицкій въ 1905 г. считалъ ихъ больше: 37, 206, 000.

§ 2. Территорія украинскаго языка,—если оставить въ сторонѣ украинскихъ эмигрантовъ, живущихъ на чужбинѣ, представляетъ обширныя пространства, въ политическомъ отношеніи дѣлящіяся на двѣ неравныхъ части: большая часть образуетъ въ настоящее время особое украинское государство, меньшая входитъ въ составъ Австро-Венгріи.

Со всѣхъ почти сторонъ украинскій народъ окруженъ близкородственными народами,—словянскаго корня,—и потому границы его территорія въ отношеніи языковомъ не всегда могутъ быть опредѣлены увѣренно и строго.

На сѣверѣ украинцы примыкаютъ непосредственно къ бѣлоруссамъ. Тутъ украинскій языкъ связываетъ съ сосѣднимъ бѣлорусскимъ узкая полоса переходныхъ отъ украинскаго къ бѣлорусскому говоровъ Гродненской, Минской и Черниговской губерній.

На сѣверо-востокъ и востокъ сосѣдями украинцевъ являются великоруссы. Граница между тѣми и другими, начинаясь въ южной части Трубчевскаго уѣзда Орловской губ., можетъ быть приблизительно намѣчена линіей, проходящей черезъ Сѣвскій уѣздъ Орловской губ., Глуховъ, Суджу, Бѣлгородъ, Корочу, Коротоякъ, Павловскъ, Богучаръ (съ загибомъ сѣвернѣе Богучара), Луганскъ, ст. Старочеркасскую, откуда граница спускается на югъ къ Кубани, доходя до Ставрополя.

Точнѣе см. на картѣ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Курской губерніи и Области Войска Донского наблюдаются при этомъ говоры, переходные отъ украинскаго къ великорусскому (южно-великорусскому).

На западѣ украинцы сосѣдять со словянскимъ народомъ, занимающимъ третье мѣсто по численности въ словянскомъ мірѣ,—съ поляками. Польско-украинская граница идетъ отъ Суража и Бѣльска на югъ къ зап. Бугу, отсюда черезъ Радинъ къ Вепржу, затѣмъ спускается къ Сану и по Сану до Санюка, затѣмъ сворачиваетъ на западъ къ Дунайцу и между Поцрадомъ и Дунайцемъ входитъ въ Венгрію.

Далѣе начинается уже граница украинскаго языка со словацкимъ, который является словянской языковой вѣтвью, ближайше родственной чешскому языку.

Граница со словацкимъ идетъ извилистой линіей въ юго-восточномъ направленіи по южнымъ склонамъ Карпатъ приблизительно до г. Ужгорода. Отсюда приблизительно до г. Сигета въ томъ же юго-восточномъ направленіи идетъ граница съ мадьярами, а далѣе по р. Вишовѣ и на востокъ, перерѣзая верховья Серета и Пруть, къ Днѣстру—съ румынами.

Ср. Дурново Опытъ §§ 11, 13, 15, 54, 69, 86, 90. Карта—Дурново при его Опытѣ и Нидерле при его «Обозрѣніи современнаго славянства».

2. Положеніе украинскаго языка среди другихъ словянскихъ.

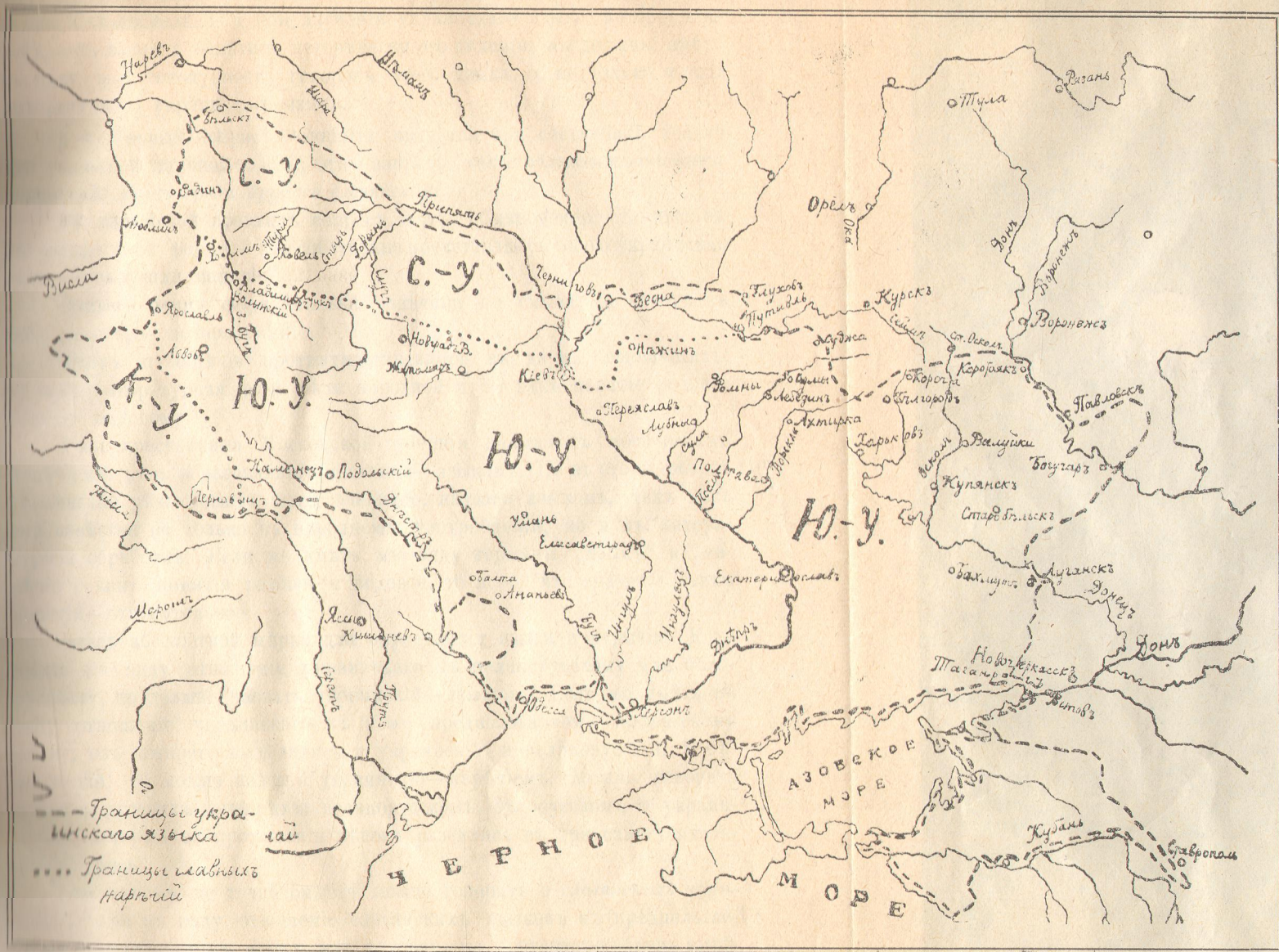
§ 3. Всякій языкъ,—французскій, англійскій и т. д.,—представляетъ не строго единое цѣлое, одинаковое на всемъ протяженіи языковой территоріи, а сложную совокупность нарѣчій и говоровъ, различающихся между собою тѣми или другими чертами въ звукахъ, формахъ и выборѣ выраженій. То общее, что находимъ во всѣхъ этихъ говорахъ, въ отличіе ихъ отъ другихъ совокупностей говоровъ, мы объединяемъ въ понятіе „языкъ“.

Въ житейскомъ обиходѣ подъ тѣмъ или другимъ языкомъ, обычно, разумѣютъ литературный языкъ даннаго народа. Но литературный языкъ есть лишь офиціальнѣйшій представитель той совокупности нарѣчій и говоровъ, которые образуютъ объемъ понятія даннаго языка.

Всякій литературный языкъ всегда представляетъ книжную обработку *какого либо* народнаго нарѣчія, которое, благодаря своей исторической роли, становится общимъ языкомъ для всѣхъ частей даннаго народа, объединяя ихъ въ одно культурное и національное цѣлое.

Очевидно отсюда, что при научномъ, историческомъ изученіи того или другаго языка нельзя ограничиться фактами литературной рѣчи

КАРТА УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА.

то е. одного лишь нарѣчія даннаго языка. Народныя нарѣчія, не получившія литературной обработки, весьма часто хранятъ факты глубокой старины, безъ знанія которыхъ нельзя понять и факты литературнаго языка. Следовательно, и при изученіи украинскаго языка, которое ставитъ себѣ задачей освѣтить исторически его явленія, мы должны имѣть въ виду всю совокупность говоровъ этого языка, а не только факты литературнаго украинскаго языка.

§ 4. Первый вопросъ, который является при постановкѣ только что указанной научной задачи, это—вопросъ, *какое положеніе занимаетъ украинскій языкъ среди другихъ славянскихъ*.

Въ житейской практикѣ вопросъ этотъ, обыкновенно, ставится въ нѣсколько иной формѣ:—что собственно представляетъ собою украинская рѣчь,—языкъ или нарѣчіе?

Однако, такая формулировка сбивчива по смыслу и кроетъ въ себѣ нѣкоторое недоразумѣніе.

Языкъ и нарѣчіе противопоставляются въ двухъ отношеніяхъ: 1) какъ литературная рѣчь рѣчи народной и 2) какъ понятіе родовое понятію видовому.

Рѣчь крестьянина Московской губерніи называютъ московскимъ нарѣчіемъ, рѣчь образованнаго москвича—языкомъ. Но въ этомъ смыслѣ украинская рѣчь можетъ быть, очевидно, названа языкомъ, такъ какъ она извѣстна не только въ народномъ употребленіи, но и въ литературной обработкѣ. Если же имѣть въ виду термины „языкъ“ и „нарѣчіе“, какъ понятія родовое и видовое, то ясно, что значеніе этихъ понятій—относительное.

Нѣтъ абсолютной мѣрки для опредѣленія языка и нарѣчія. Если имѣть въ виду отношеніе украинскаго къ великорусскому или бѣлорусскому, то должно назвать украинскій—языкомъ. Если же имѣть въ виду отношеніе украинскаго къ тому предполагаемому *прарусскому* языку, изъ котораго выдѣлились и украинскій, и великорусскій, и бѣлорусскій, то можно назвать украинскій—нарѣчіемъ. Можно говорить о трехъ русскихъ нарѣчіяхъ: великорусскомъ, бѣлорусскомъ и украинскомъ, которыя на протяженіи вѣковъ развились въ три самостоятельныхъ языка.

Въ такомъ же точно смыслѣ можно говорить о *славянскихъ нарѣчіяхъ*, имѣя въ виду отношеніе славянскихъ языковъ къ предполагаемому праславянскому языку, изъ котораго на протяженіи вѣковъ выдѣлились и сложились въ самостоятельные языки, въ сложныя совокупности говоровъ нынѣшніе потомки праславянскихъ говоровъ—языки болгарскій, сербскій, чешскій, польскій и т. д.

§ 5. Тутъ мы подходимъ къ вопросу, отъ рѣшенія котораго зависить точное опредѣленіе того положенія, которое занимаетъ украинскій языкъ среди другихъ словянскихъ.

Вопросъ этотъ формулируется такъ: имѣемъ ли мы право предполагать *прарусскую языковую эпоху*, т. е. эпоху языкового единства великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго; иначе говоря, является ли отношеніе украинскаго языка къ великорусскому и бѣлорусскому отношеніемъ *того же порядка*, что и отношеніе украинскаго къ инымъ словянскимъ языкамъ: польскому, болгарскому, сербскому и др.?

Если да (т. е. отношеніе—одного порядка), то мы должны представлять себѣ прасловянскій языкъ, какъ группу говоровъ—предковъ нынѣшнихъ словянскихъ языковъ, и среди нихъ наряду съ говоромъ болгарскимъ (предкомъ болгарскаго языка), говоромъ сербскимъ и т. д.—говорами великорусскій, украинскій и бѣлорусскій, развившіеся потомъ въ великорусскій, украинскій и бѣлорусскій языки.

Если нѣтъ (т. е. отношеніе—не одного порядка), то должно представлять себѣ въ прасловянскомъ языкѣ среди другихъ говоровъ одинъ русскій говоръ, который является общимъ предкомъ великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго языковъ.

Вопросъ, такимъ образомъ, достаточно ясенъ, и отвѣтъ на него не встрѣчаетъ разногласій среди большинства ученыхъ.

Предположеніе прарусскаго языка, т. е. эпохи единства великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго языковъ, когда эти языки были говорами одного языка, переживавшими одни и тѣ же измѣненія,—это предположеніе можно считать общепринятымъ и въ русской, и въ западной наукѣ.

Правда, авторъ новѣйшей грамматики украинскаго языка, Smal-Stockyj отрицаетъ болѣе тѣсное языковое единство трехъ русскихъ языковъ, стремясь найти въ украинскомъ больше чертъ сходства съ иными словянскими языками, чѣмъ съ русскимъ (великорусскимъ). Но правъ, конечно, польскій рецензентъ этого труда Lehr (R. Sl. VII, 75 с.) говоря, что аргументы, которые приводятся въ обоснованіе такого взгляда (нѣсколько десятковъ чертъ, сопоставленныхъ въ нѣсколькихъ таблицахъ), не могутъ никого убѣдить, такъ какъ сопоставлены слишкомъ механически, безъ надлежащаго пониманія сущности языковыхъ явленій“.

Lehr не сомнѣвается поэтому, „что въ наукѣ удержится господствующее въ настоящее время воззрѣніе, въ силу котораго *такъ называемые русскіе языки* разсматриваются не только географически, но и генетически какъ группа, болѣе тѣсно связанная въ кругу словянскихъ

языковъ, что, очевидно, нисколько не можетъ мѣшать признанію литературной и политической самостоятельности украинскаго языка“.

Если новѣйшему взгляду Смалъ-Стоцкаго необходимо противупоставить взглядъ, болѣе авторитетный, чѣмъ только что приведенный приговоръ польскаго ученаго, то достаточно было бы сослаться на Шахматова или, еще лучше, на патріарха славистики Ягича, который въ статьѣ, посвященной спорнымъ вопросамъ нашей науки, высказывается по данному вопросу слѣдующимъ образомъ: „Что всѣ русскія нарѣчія въ противупоставленіи остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ (если выраженіе *нарѣчіе* не нравится, можно вмѣсто него употребить *языкъ*,—для науки это дѣло второстепенное) образуютъ одно цѣлое, отличающееся многими замѣчательными чертами внутренняго единства,—это не представляетъ между языковѣдами спорнаго вопроса“. ASIPh. XX (1898 г.), 33 с.

Какія же это замѣчательныя черты внутренняго единства трехъ русскихъ языковъ, черты, которыми обосновывается предположеніе прарусскаго языкового единства?

Само собою понятно, что черты эти должны удовлетворять двумъ требованіямъ: 1) онѣ должны быть основными чертами, характеризующими всю совокупность говоровъ каждаго изъ трехъ русскихъ языковъ, и 2) это должны быть черты *исконныя*, черты, которыми языки эти отличались съ древнѣйшихъ временъ, доступныхъ нашему наблюденію.

Нельзя при сравненіи украинскаго съ великорусскимъ, бѣлорусскимъ и съ другими словянскими обращать вниманіе, какъ это дѣлаетъ Smal Stockuj, на совпаденія и различія, образовавшіяся сравнительно поздно. Такъ, напримѣръ, украинское *вівці* и в.-р. *овцѣ* (дат. и мѣстн. ед. ч.) явились вмѣсто древняго *овци* сравнительно поздно подъ вліяніемъ *руць* (укр. *руці*); такъ же, какъ это совпаденіе, не имѣетъ значенія различіе, заключающееся въ томъ, что въ украинскомъ согласные передъ *и*, *е* тверды, а въ великорусскомъ мягки; раньше мягки они были тутъ и въ украинскомъ (см. ниже, § 51). Нельзя, съ другой стороны, противупоставлять, какъ это дѣлаетъ Смалъ Стоцкий, украинское неударяемое *о* великорусскому аканію, украинское *ї* на мѣстѣ стараго звука *ѣ*—великорусскому *е* въ тѣхъ же случаяхъ, такъ какъ аканье и *е* на мѣстѣ *ѣ* извѣстно лишь южновеликорусскимъ говорамъ; въ сѣв.-великорусскихъ г.г. найдемъ сохраненіе неударяемаго *о*, а на мѣстѣ *ѣ* тѣ же звуки, что и въ украинскомъ: *і* и дифтонгъ *іе*.

§ 6. Чтобы лучше оцѣнить значеніе тѣхъ совпаденій въ исконныхъ чертахъ, какія наблюдаются между украинскимъ, великорусскимъ и бѣлорусскимъ, должно разсмотрѣть ихъ въ рамкахъ общаго вопроса о взаимномъ отношеніи словянскихъ языковъ.

Въ семьѣ словянскихъ языковъ издавна принято различать три большихъ группы: южную, западную и восточную.

I. Южную группу образуют языки болгарскій, сербскій и словинскій; объединеніе этихъ языковъ въ одну группу обосновывается одновременной наличностью во всѣхъ трехъ языкахъ слѣдующихъ исконныхъ чертъ: 1) группы согласныхъ *zv, sv* въ соотвѣтствіи группамъ *gv, kv* западно-славянскихъ языковъ: серб. звезда, цвет, но пол. gwiazda, kwiat; 2) одно *l* вм. первоначальной группы *dl* или *tl*, которая сохранена зап.-славянскими языками; серб. молити, плела—пол. modlić, plotla (русс. молить, плела); 3) группы *ra, la, rě, lě* (*rf, lf*) между согласными въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ восточныхъ, т. е. русскихъ языкахъ сочетанія *оро, оло, ере, ело*: серб. крава, брада, злато и т. п.—русс. корова, борода, золото и т. п.; 4) въ началѣ слова, передъ согласнымъ, какъ правило, группы *ra, la*, въ то время какъ въ зап.-слов. языкахъ въ однихъ словахъ *ra, la*, въ другихъ *ro, lo*: серб. раван и ратај, лакат и лаком—пол. równy и rataj, łokieć и łakomy; 5) слоговые *r, l* между согласными въ соотвѣтствіи русскимъ *ор, ол, ер* въ томъ же положеніи: серб. грло, ерце, серб.-чакавск. vlk, plni—в.-р. горло, сердце, волкъ, полный, укр. горло, сердце, вовк, повний.

Изъ этихъ чертъ, объединяющихъ въ одну группу болгарскій, сербскій и словинскій, 1 и 2 черта отличаютъ также и восточную группу, и слѣдовательно лишь 3 черты отличаютъ южнославянскіе языки и отъ западно-славянскихъ, и отъ восточныхъ.

§ 7. II. Западно-славянская группа языковъ (чешскій, польскій, кашубскій, верхне-лужицкій и нижне-лужицкій, вымершій полабскій) объединяются также тремя лишь чертами основного и исконнаго характера: 1) сохраненіемъ старыхъ группъ *kv, gv* (ср. выше I 1 п.); 2) сохраненіемъ старыхъ группъ *dl, tl* (ср. выше I 2 п.) и 3) однородными отраженіями праславянскихъ сочетаній *dj, tj* въ видѣ *dz* (или его упрощеніе *z*), с: пол. miedza, swieca, чеш. meze, svíce и т. д. (межа, свѣча).

§ 8. III. Между тремя языками восточной группы, т. е. великорусскимъ, украинскимъ и бѣлорусскимъ можно найти гораздо больше чертъ исконнаго сходства, чѣмъ между языками южной или западной группы.

1. Праславянскія группы согласныхъ *kv, gv* являются въ в.-р., укр. и б.-р. въ видѣ *цв, зв*: укр. цвіт, звѣзда, в.-р. цвѣтъ, звѣзда; б.-р. звизд (свистъ), цвѣт (рядомъ съ квѣт, что—изъ польскаго),—ср. пол. kwiat, gwiazda, gwizdac'.

2. Праслов. группы *tl, dl* являются въ в.-р., укр. и б.-р. въ видѣ *л*: укр. молити, плела, в.-р. молить, плела, б.-р. молиць, плела (ср. I, 2).

3. Праслов. сочетанія *губной согласный + j* дали во всѣхъ трехъ восточныхъ языкахъ и внутри слова, какъ въ началѣ слова, группы *губной + r* (л смягченное): укр. земля, мовлю, куплю, люблю, в.-р. земля, молвлю, куплю, люблю, б.-р. земляца, купля и т. п.; ср. однако въ пол. ziemia, mówię, kupię, lubię и т. п.

4. Особые прасловянскіе гласные, которые обозначаемъ церк. слов. буквами *з* и *ь*, или исчезли, или же измѣнились въ *о*, *е*: ср. др.-ц.-сл. сѣнѣ, днь и укр. сон, день, в.-р. сонѣ, день, б.-р. сон, дзень; въ сербскомъ—на мѣстѣ *ъ*, *ь*—а: сан, дан, въ польскомъ и чешскомъ—е: пол. sen, dzien', чеш. sen, den.

5. Прасловянскіе носовые гласные *ę* и *ǫ* (*е* носовое и *о* носовое) дали во всѣхъ трехъ восточныхъ языкахъ гласные чистые *у* и *а*: ср. др.-ц.-сл. пѣть, мѣсо, рѣка, дѣвѣ и укр. пять, мясо, рука, дуб; в.-р. пять, мясо, рука, дубъ, б.-р. пять, мясо, рука, дубъ.

6. Праслов. сочетанія *or*, *ol* въ началѣ слова передъ согласнымъ дали въ укр., в.-р. и б.-р. въ однихъ случаяхъ *ро*, *ло*, въ другихъ—*ра*, *ла* (ср. выше, I 4): укр. ратѣй, рѣвний, гдѣ *і* получилось изъ болѣе древняго *о* (ср. ниже. § 44), лакѣмий, лѣкѣтъ, б.-р. ралѣ (пахота—того же корня, что ратѣй), ровный, лакѣмый, локоць.

7. Тѣ же прасл. сочетанія *or*, *ol* и *er*, *el* между согласными (ср. I, 3) дали въ укр., в.-р. и б.-р. *полногласныя* сочетанія *оро*, *оло*, *ере*, *еле*: укр. борода, голова, дерево, молоко; тѣ же сочетанія *оро*, *оло*, *ере*—и въ бѣлорусскомъ. При этомъ должно замѣтить, что первоначальное сочетаніе *el* измѣнилось въ восточныхъ языкахъ въ *ol* (вѣроятно, черезъ посредство *ǫl*), почему въ нихъ находимъ *молоко* въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. млѣко, пол. и чеш. mleko изъ праслов. *melko.

8. Въ соотвѣтствіи южнославянскимъ и чешскимъ *слоговымъ* *г*, *l* (ср. выше, I, 5) въ укр., в.-р. и б.-р. находимъ *ор*, *ол*, *ер*, которыя получились изъ болѣе древнихъ *ѣр*, *ѣл*, *ѣр*, какъ показываютъ древніе русскіе памятники: укр. торг, вовк, першій, в.-р. торгѣ, волкѣ, первый, б.-р. торгѣ, вовк, першій (др.-р. тѣргѣ, вѣлкѣ, пѣрвѣ). При этомъ первоначальное сочетаніе *ѣл* измѣнилось въ восточныхъ языкахъ въ *ѣл*, откуда—сл: ср.-русс. волкѣ—укр. вовк (в изъ л) и пол. wilk.

9. Измѣненіе *el* въ *ol* и *ѣл* въ *ѣл* (очевидно, въ связи съ особымъ—велярнымъ характеромъ *l* въ прарусскомъ) можно считать особой чертой восточныхъ языковъ въ сравненіи съ другими славянскими языками.

Интересно, что въ судьбѣ сочетаній гласныхъ съ *г*, *l* замѣчается еще одно совпаденіе между украинскимъ, великорусскимъ и бѣлорусскимъ: это—такъ называемое второе полногласіе. Сущность явленія заключается въ томъ, что сочетаніе

ѣр, ѣр, ѣл, ѣл между согласными, если въ слѣдующемъ слогѣ былъ ѣ или ѣ, затѣмъ отпавшій,—измѣнялось въ ѣръ, ѣрь, ѣль, ѣль откуда позже—оро, ере, оло, оле: въ великор. говорахъ находимъ *веревка* изъ *въравка*, *верѣх* изъ *върѣхъ*, *столоб* изъ *стѣлѣ* и т. п.; въ украинскихъ г.г.—*юрон* (Александр. у. Екатериносл. г.) изъ *гзригъ*, *джолонка* изъ *жолынка*, *човен* изъ *чѣлнѣ* (чѣлн дало чѣлн, чѣлен, човен, но въ род. п. чѣлна > чѣлна > чолна > човна, изъ род. п. *ѣ* проникло и въ им. п.); въ бѣлорусскомъ—*вяроука* изъ *верѣвка*, а это—изъ *въравка*, *приполѣзъ* изъ *пригѣлѣзъ*, *човен* изъ чѣлнѣ и т. п. (Карскій, Бѣлоруссы II, 310 с.). Ср. § 32.

10. Въ соотвѣтствіи прасл. сочетаніямъ tj, dj во всѣхъ трехъ восточныхъ языкахъ находимъ ч и ж (вм. ж въ украинскомъ иногда вторичное дж.—ср. § 58); въ др.-ц.-слов. въ такихъ случаяхъ—шт и жд: др.-ц.-сл. свѣшта (изъ *světja),—в.-р. свѣча, укр. свіч-ка, бѣлор. свѣча; др.-ц.-сл. мѣжда (изъ *medja),—в.-р. межа, укр. межа, бѣлор. межи (предлогъ—между).

11. Въ началѣ слова въ соотвѣтствіи съ ѣ другихъ слов. языковъ въ в.-р., укр. и б.-р. находимъ о: в.-р. одинъ, озеро, олень, осень, ольха, укр. один, озеро, олень, осінь, вільха—изъ ольха (ср. § 44), б.-р. одзинъ, озѣрко, осенина и т. п.

Измѣненіе начальнаго ѣ въ о было ограничено извѣстными условіями: повидимому, положеніемъ передъ слогомъ съ палатальнымъ гласнымъ.

12. Прасловянское dz (слитный звукъ) изъ g (г), сохраненное напр. польскимъ, упростилось въ z въ в.-р., укр. и б.-русскомъ: ср. в.-р. князь, укр. князь, б.-р. князь и пол. ksiądz; укр. нозі, б.-р. нозѣ (= назѣ)—пол. podze и т. п.

Изъ перечисленныхъ 12 чертъ, общихъ в.-русскому, украинскому и бѣлорусскому, черты 1 и 2 свойственны также южно-славянскимъ языкамъ, черту 3-ю находимъ въ сербскомъ, словинскомъ и нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ, черта 4-я наблюдается въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ и въ словацкомъ, 5-я имѣетъ параллели въ чехословацкомъ и лужицкихъ языкахъ, 6-ю черту имѣютъ всѣ зап.-славянскіе языки, черта 9-я, повидимому, имѣетъ параллель въ вымершемъ полабскомъ; черта 12-я извѣстна сербскому, чешскому и другимъ сл.-яз. черты 7, 8, 10, 11 отличаютъ в.-р., укр. и б.-р. отъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ языковъ.

Между тѣмъ для южно-славянскихъ языковъ такая черта, которая, будучи имъ общей, не встрѣчается ни въ какомъ иномъ славянскомъ языкѣ, всего одна: I1 и I2 находимъ въ восточныхъ языкахъ, т. е. русскихъ; I3 и I5—въ чешскомъ, остается лишь I4 (га, ла въ началѣ слова). Изъ трехъ общихъ чертъ зап.-славянскихъ языковъ 1 и 2—отрицательнаго характера (отсутствіе измѣненій, какія произошли въ

южныхъ и восточныхъ), и лишь одна черта обнаруживаетъ одинаковое измѣненіе во всѣхъ нихъ фактовъ, полученныхъ изъ прасловянского.

3. Нарѣчія украинскаго языка.

§ 9. Итакъ, можно считать доказаннымъ тѣсное единство в.-р., укр. и б.-р. языковъ, можно предполагать среди говоровъ прасловянскаго языка, предка всѣхъ словянскихъ языковъ, одинъ восточный говоръ, изъ котораго развился прарусскій языкъ. Но прарусскій языкъ уже къ началу древне-русской письменности не представлялъ строгаго единства, какъ показываютъ діалектическія черты древне-русскихъ памятниковъ; русское племя къ тому времени уже дробилось на рядъ болѣе мелкихъ племенъ, имена которыхъ сохранилъ намъ лѣтописецъ: поляне, деревляне, дреговичи, полочане, словѣне новгородскіе, сѣверяне, кривичи, дулѣбы, бужане, радимичи, вятичи, тиверци, уличи.

Различію этихъ племенъ, конечно, соотвѣтствовало различіе говоровъ, и изъ этихъ говоровъ историческія условія,—политическое и культурное объединеніе вокругъ областныхъ центровъ,—создали постепенно три языка: великорусскій, украинскій и бѣлорусскій. Для южно-русскихъ племенъ такими областными центрами были сперва Кіевъ, а затѣмъ (съ XIII в.) Галичъ и Владимиръ Волынскій.

Въ составъ украинскаго языка, можно думать, вошли говоры полянъ, деревлянъ, дулѣбовъ, вѣроятно также уличей и тиверцевъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, также и сѣверянъ,—въ деталяхъ процессъ образованія украинскаго языка нельзя считать выясненнымъ.

Какъ всякій языкъ, украинскій не представляетъ, конечно, строгаго единства, а является совокупностью говоровъ, которые характеризуются, съ одной стороны, чертами, общими всему украинскому языку, а съ другой—чертами мѣстными, діалектическими.

§ 10. Отдѣльные изслѣдователи не сходятся между собою въ группировкѣ украинскихъ говоровъ. Одни, какъ Соболевскій, Крымскій, Зілинскій, различаютъ среди украинскихъ говоровъ 2 группы, расходясь другъ съ другомъ въ опредѣленіи этихъ группъ и въ признакахъ группировки; другіе находятъ 3 группы говоровъ (Шахматовъ, Дурново).

Болѣе правильною мнѣ представляется схема, различающая 3 главныя группы: 1) говоры южныя, 2) говоры сѣверныя и 3) говоры карпатскіе. Въ основѣ литературнаго украинскаго языка лежитъ кіевско-полтавская рѣчь, т. е. говоръ южный.

I. Говоры южныя характеризуются тѣмъ, что въ нихъ а) на мѣстѣ о и е въ закрытомъ слогѣ (ср. ниже, § 44, 45) находимъ і:ніс

(носѣ), віз (возѣ), сіль (солѣ) и т. п., в) на мѣстѣ стараго звука *ѣ* имѣется тотъ же звукъ *і*: ліс, дід (лѣсѣ, дѣдѣ) и т. п., а на мѣстѣ гласныхъ *ы* и *и*—одинъ звукъ,—гласный, средній между вел.-р. *ы* и *и*: син, бик, синій (сынѣ, быкѣ, синіи) и т. п. (ср. § 38).

II. Главная отличительная черта сѣверныхъ говоровъ та, что на мѣстѣ *о*, *е* въ закрытомъ слогѣ въ нихъ находимъ дифтонги или же гласные *у*, *е*, *ы*, *и*, какъ результатъ упрощенія этихъ дифтонговъ.

На мѣстѣ стараго звука *ѣ* въ сѣверныхъ говорахъ хотя и встрѣчается *і*, но чаще находимъ дифтонгъ *іе* или *іѣ*, а также *је*, *іј*, *е*, *е*, *и*: ліес, пѣсня, слѣйпий, сѣно, песок, писок.

Кромѣ того, сѣверные говоры отличаются отъ другихъ сохраненіемъ звонкости согласныхъ въ концѣ слова и передъ глухими согласными.

Въ судьбѣ же гласныхъ *ы* и *и* сѣверные говоры сходятся съ южными: на мѣстѣ нихъ находимъ одинъ звукъ,—если оставить въ сторонѣ говоры, стоящіе подъ бѣлорусскимъ вліяніемъ.

III. Третья—карпатская группа говоровъ отличается и отъ первой, и отъ второй сохраненіемъ различія между звуками *ы* и *и*.

Въ судьбѣ гласнаго *о* въ закрытомъ слогѣ отдѣльные карпатскіе говоры между собой не сходятся; звонкіе гласные передъ глухими и по большей части въ концѣ слова утратили въ нихъ звонкость,—въ противоположность сѣверному нарѣчію; въ южныхъ говорахъ въ этомъ отношеніи нѣтъ согласія.

Кромѣ того, можно отмѣтить, что въ карпатскихъ говорахъ сохраняется свою мягкость мягкое *р*.

О подраздѣленіяхъ въ указанныхъ трехъ крупныхъ группахъ украинскихъ говоровъ и вообще по этому вопросу ср. у Дурново, Опытъ 58—75 и 104 с. с. Границы главныхъ нарѣчій см. на картѣ.

§ 11. Такимъ образомъ факты современнаго украинскаго языка представляютъ результатъ многовѣковой исторіи, на протяженіи которой одинъ говоръ нѣкогда существовавшаго прарусскаго языка развился въ особый языкъ, состоящій, въ свою очередь, изъ сложной совокупности говоровъ.

Въ фактахъ современнаго языка мы найдемъ поэтому явленія различныхъ эпохъ, найдемъ различной древности пласты.

1. Мы найдемъ въ этихъ фактахъ такія явленія, которыя сложились еще въ эпоху прасловянскую, эпоху единства всѣхъ словянскихъ языковъ; таково, напримѣръ, измѣненіе *х* въ *с* въ формѣ *мусі* (дат. п.) при имен. п. *муха*; это измѣненіе *х* въ *с* сохранено было прарусскимъ, отъ прарусскаго получилъ его въ наслѣдство украинскій, и эту исконную черту украинскую сохранили всѣ говоры украинскаго языка до

настоящаго времени. Такія черты мы найдемъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ.

2. Мы найдемъ далѣе въ украинскихъ фактахъ явленія, сложившіяся въ эпоху прарусскую; таковы напр. полногласныя сочетанія *оро*, *оло*, *ере*, *ело* и другія прарусскія черты, указанные выше, въ § 8. Такія черты мы найдемъ въ вел.-русскомъ и бѣлорусскомъ.

3. Затѣмъ въ этихъ фактахъ отражаются явленія, сложившіяся въ эпоху единства украинскаго языка,—общія всѣмъ украинскимъ говорамъ.

Таково, напримѣръ, измѣненіе мгновеннаго (взрывнаго) *г* (лат. *g*) въ длительное (лат. *h*), или измѣненіе *л* твердаго передъ согласными и въ концѣ слова въ *у* или *в*, или же отвердѣніе согласныхъ передъ *и*, *е*.

4. Наконецъ, самый поздній пластъ представляютъ явленія, которыя свойственны отдѣльнымъ группамъ украинскихъ говоровъ,—явленія діалектическія, пережитыя не всѣми украинскими говорами, а лишь нѣкоторыми изъ нихъ, какъ, напримѣръ, отвердѣніе *р* или измѣненіе *о* въ закрытомъ слогѣ въ *і*.

Систематическое выясненіе древности различныхъ явленій украинскаго языка, полную картину общеукраинскихъ языковыхъ явленій дастъ намъ очеркъ исторической фонетики и исторической морфологіи этого языка. Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ главнымъ отдѣламъ нашей работы, мы должны нѣсколько остановиться еще на одномъ вводномъ вопросѣ,—вопросѣ объ источникахъ нашихъ свѣдѣній по исторической грамматикѣ украинскаго языка.

4. Источники по исторіи украинскаго языка.

§ 12. Главными и важнѣйшими данными при историческомъ изученіи всякаго языка являются данныя его живыхъ говоровъ,—въ данномъ случаѣ данныя живыхъ украинскихъ говоровъ. Въ отдѣльныхъ пунктахъ исторіи звуковъ и формъ даннаго языка различные говоры стоятъ на различной ступени развитія: одни говоры сохраняютъ старину въ одномъ, иные—въ другомъ, и такимъ образомъ внимательное изученіе и сопоставленіе данныхъ живыхъ говоровъ даетъ полную историческую картину жизни языка.

Показанія живыхъ говоровъ дополняются, обыкновенно, данными письменныхъ памятниковъ; эти данныя позволяютъ часто точнѣе установить хронологію того или другаго явленія въ жизни даннаго языка. Но значеніе этихъ источниковъ второго рода для историка языка ослабляется тѣмъ, что факты живого языка наблюдаются нами не непосредственно, а въ томъ видѣ, какъ они отражаются въ письмѣ, письменная же передача звуковъ далеко не всегда является точной, и приемы

правописанія часто—традиційны. Крімъ того, показанія памятниковъ обычно скудны, отражають данныя не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ говоромъ, и наконецъ,—по отношенію къ украинскому имѣетъ значеніе и то обстоятельство, что многіе древніе памятники представляютъ памятники церковной письменности, въ которыхъ отражается не столько народный языкъ, сколько языкъ литературный,—въ основѣ своей церковно-словянскій.

Даже и на памятникахъ свѣтской письменности отражалось вліяніе этого литературнаго языка.

§ 13. Среди древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ нѣкоторые болѣе или менѣе увѣренно могутъ быть отнесены къ Києву, т. е. къ области южнорусской. Таковы, напримѣръ, Сборникъ 1073 г. и Сборникъ 1076 г. (оба—Святославовы), Евангеліе Мстиславово, писанное около 1115 г., Евангеліе Юрьевское (около 1120 г.), Мстиславова грамота около 1130 г., быть можетъ также Евангеліе 1902 г., XIII словъ Григорія Богослова XI вѣка и того же вѣка Пандекты Антиоха. Однако памятники эти слишкомъ бѣдны данными, которыя можно было бы съ увѣренностью использовать для исторіи украинскаго языка. Памятники съ несомнѣнными чертами украинскаго языка начинаются приблизительно съ половины XII вѣка. Таковы: Галицкое Ев. 1144 г., Добрилово Ев. 1164 г., Типографское (типографской библіотеки въ Москвѣ) Ев. № 6 XII в., Типографское Ев. № 7 XII в., Евангеліе Московскаго Единовѣрческаго монастыря XII в. Къ XIII вѣку относятся: Галицкій списокъ евангельскихъ чтеній 1266—1301 г., Евангеліе 1283 г. (Румянцевскаго Музея), Выголексинскій сборникъ (Рум. Музея), Житіе св. Саввы Освященнаго, указатель евангельскихъ чтеній при Галицкомъ Ев. 1144 года, Ирмолей Григоровича (Румянц. Музея), Вѣнскій Октоихъ, Холмское Ев., Хутынскій служебникъ. Изъ памятниковъ XIV вѣка особенности украинскаго языка отражають Поликарпово Ев. 1307 г. (Моск. Синод. Библ.), Лѣствица Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, Евангеліе изъ собранія Верковича (Публ. Библ. F I 99), Луцкое Ев. Румянцевскаго Музея, Часословъ Публ. Библіотеки (O I 2).

Впрочемъ, со второй половины XIV вѣка мы имѣемъ уже письменный матеріалъ, болѣе полно отражающій явленія украинскаго языка,—памятники свѣтскаго характера, т. е. грамоты: купчая Вячеслава Дмитровскаго 1371 г., купчая Хоньки Васьковой 1378 г., закладная Михаила Ивановича 1386 г., грамота Перемышльскаго воеводы Фебруна 1391 г., грамота Галицкаго старосты Гнѣвоша 1393 г. и т. д.

Послѣдующіе вѣка представлены, чѣмъ далѣе, тѣмъ большимъ рукописнымъ и затѣмъ книжнымъ матеріаломъ.

Ср. по вопросу об источниках Соболевского Лекцій², 11—17 с, Шахматова Курсь (литогр.) 276—334 с., Крымского Укр. гр., гл. II (43 и сл.).

§ 14. При ознакомленіи съ данными украинскіхъ говоровъ см. Потебни, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій, 1871 г., Михальчука, Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчійми Галичины (VII т. Трудовъ этнографической экспедиціи въ западно-русскій край, 1877 г.), Ogonowski, Studien auf d. Gebiete der ruthenischen Sprache, 1880 г., Соболевскій, Очеркъ русской діалектологіи (Живая Старина, 1892 г.); изъ отдѣльныхъ діалектологическихъ работъ должны быть отмѣнены работы Бреха: Угровское нарѣчье села Убли, 1899 г., Zum kleinrussischen in Ungarn ASIPh. XVII, 1895 и др.

Изданія памятниковъ и ихъ описанія указаны въ только что отмѣченныхъ трудахъ общаго характера Соболевскаго, Шахматова, Крымскаго; къ нимъ должно прибавить указаніе на новое изданіе Евангелія 1092 г.: „Архангельское Евангеліе 1092 года“ (издано Румянцевскимъ Музеемъ фотоцинкографіей),—ср. Дурново въ Изв. XVIII, кн. 2 и Карскаго Р. Ф. В. 1913 г., кн. 2, 467 с.

Изъ грамматикъ украинскаго языка необходимо отмѣтить: Граматику рускаго языка для школъ середнихъ—Огоновскаго (1889, у Львовѣ), Крымскаго—Украинская грамматика для учениковъ высшихъ классовъ гимназій и семинарій Приднѣпровья (Москва 1907 г.), Тимченка—Українська граматика (Кіевъ 1907 г.), Смалъ—Стоцкаго и Гартнера—Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache von Stephan von Smal—Stocky und Theodor Gartner. Wien, 1913.

Изъ словарей украинскаго языка важнѣйшіе—Желеховскаго и Гринченка: Малоруско-німецкий словарь, уложилъ Евгеній Желеховскій I—II Leipzig 1886; Словарь української мови зібрала редакція Журнала „Кіевская Старина“, упорядкував, с додатком власного матеріалу, Борис Грінченко, у Кііві 1907—1909.

Указанія на другіе труды (Потебни, Житецкаго, Миклошича, Крымскаго, Науменко и др.) по украинскому языку грамматическаго и словарнаго характера и отдѣльныя работы по исторіи языка и діалектологіи можно найти въ грамматикѣ Смалъ—Стоцкаго (7—12 с.) и у Шахматова—Энци. сл. фил. 11 вып. 355—360 с.

II. ФОНЕТИКА.

1. Звуковая система украинскаго языка въ ея отношеніи къ украинскому алфавиту.

§ 15. Разнообразіе звуковыхъ оттѣнковъ живой рѣчи никогда не находитъ себѣ достаточно полнаго выраженія въ алфавитѣ, въ обозначеніи звуковъ на письмѣ. Къ этому необходимо прибавить и то, что въ отношеніи звуковыхъ типовъ не можетъ быть полнаго согласія между произношеніемъ людей, живущихъ въ различныхъ мѣстностяхъ,—говорящихъ на различныхъ нарѣчійхъ или находящихся подъ вліяніемъ этихъ народныхъ нарѣчій.

Наиболѣе видный специалистъ въ области изученія фізіологіи звуковъ словянскихъ языковъ, Брокъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ звуковую систему украинскаго языка, имѣя въ виду такъ называемую „образованную рѣчь“, т. е. рѣчь образованныхъ украинцевъ.